

КАК РАБОТАЕТ ПСИХОАНАЛИТИК

А.В. РОССОХИН

В статье представлен подробный ход длительной психоаналитической терапии, раскрываются нюансы работы психоаналитика. Автор демонстрирует различные планы работы — анализ переноса и контрпереноса, интерпретация фантазий и сновидений и др. Не проводя внешних по отношению к самой терапии концептуализаций и не заявляя обсуждение теоретических проблем, автор придерживается стратегии демонстрации самой ткани работы, оставляя читателю возможность размышлять над интересующими его фактами и формулировать любые вопросы и интерпретации.

Ключевые слова: перенос, контрперенос, проекция.

Два года назад я завершил работу с Николаем Сергеевичем, пациентом 43-х лет, проходившим у меня анализ в течение восьми лет с частотой четыре сессии в неделю.

Николай обратился ко мне по рекомендации своей знакомой, чей анализ был завершён годом ранее. Он обозначил свою главную проблему как непрекращающуюся в течение многих лет депрессию.

После окончания института Николай начал работать помощником режиссера, но за короткое время сумел выйти из тени мэтра и начал самостоятельно снимать художественные фильмы. Сняв несколько картин, получивших широкую известность, он внезапно впадает в многолетний творческий кризис, перестает снимать кино и переживает длительную депрессию, зарабатывая время от времени (хотя и немало) производством коммерческих видеоклипов. Получая время от времени очень хорошие предложения снять «высокобюджетное» кино, он, тем не менее, каждый раз подолгу тянул с ответом и в результате отказывался. По его словам, он «не мог ни на что решиться и опасался любых изменений».

Спустя небольшое время после начала анализа он спокойно сказал мне: «Я — гей, сексуальных отношений с женщинами у меня никогда не было. Длительных любовных отношений с мужчинами у меня не получается. Я чувствую себя бесконечно одиноким и брошенным». Гомосексуальные отношения были связаны у Николая с сильным чувством

«дискомфорта, чего-то противоестественного и постыдного», хотя, по его словам, постепенно он стал относиться к ним как к чему-то более естественному. Он помнит, что, начиная со старших классов школы, его всегда тянуло к друзьям, он мечтал о близких, душевных отношениях с ними. В более взрослом возрасте он всегда запрещал себе сексуальные фантазии о мужчинах, стараясь бороться с ними и подавлять их в себе. Как он сначала утверждал, сексуальных фантазий, связанных с женщинами, у него никогда не было.

Николай был единственным ребенком в семье артистов одного из художественных театров Москвы. Насколько он помнил, с его самого раннего детства родители или отсутствовали дома, или сильно выпивали. Впоследствии мать прекратила выпивать, но отец продолжал. Считая родителей неудачниками, Николай рассказал мне о чувстве сильно-го стыда за них и о своем отчуждении от них.

Сначала он не мог припомнить ничего, что было в его жизни до семи лет, до школы. Николай жил своей самостоятельной жизнью, родители — своей. На мой вопрос, что он чувствовал в связи с тем, что его очень рано отдали в детский сад на пятидневку, он ответил, что никаких обид он не испытывал, так как всегда был очень самостоятельным мальчиком, способным позаботиться о самом себе.

Когда ему исполнилось семь лет, родители Николая, до этого жившие в отдельной двухкомнатной квартире, переехали к матери его отца, и они стали жить вчетвером в ее многокомнатной квартире. С этого момента мать отца — бабушка Николая — начала играть чрезвычайно важную роль в жизни мальчика. На первичном интервью Николай говорил, что единственный человек, кого он по-настоящему любил в своей жизни и кто безгранично любил его, — это была бабушка. «Бабушка заменила мне родителей, я не чувствовал, что они были мне нужны».

Первые рассказы Николая о своих родителях сводились к замечаниям, подобным следующим: «С отцом я никогда не имел никакого контакта. Он всегда был пьяный, устраивал скандалы, выяснял отношения с бабушкой, с матерью. Я никогда его не понимал, он жил своей собственной жизнью. Мать я не понимал тоже. В жизни она очень закрытая и со мной всегда была неэмоциональной. В какие-то мгновения она проявляла любовь и заботу, но это всегда было очень навязчиво и жестко. Три года назад я заплакал от горя, и мать дала мне пощечину за это. Она никогда не говорит о своих переживаниях, не дает мне возможности ее пожалеть... позаботиться о ней... не принимает мою заботу... Родители жили какой-то своей параллельной жизнью. Моя жизнь не пересеклась с их жизнью».

Любимая бабушка Николая болела диабетом, и, когда ему было 13 лет, она скоропостижно умерла. Когда он пришел домой из школы, умершую бабушку уже увезли в морг. Он отказался участвовать в похоронах, чтобы не видеть ее мертвой. Смерть бабушки была «колоссальной трагедией» для Николая: «Все мои положительные эмоции закончились со смертью бабушки, но я всегда помню ее как живую». Вместе с тем он «много плакал, потом смирился и сжился с мыслью, что бабушки нет рядом».

После смерти бабушки Николай «понял, что его жизнь изменилась» и что он «должен начать жить реальной жизнью». Он акцентировал свою неразрывную связь с бабушкой: «Мы с бабушкой были союзниками и одними глазами смотрели на все, что происходило с моими родителями». Это была очень согревающая его фантазия об «одном целом с бабушкой». С особым теплом Николай всегда говорил о мягкой перине на бабушкиной кровати, в которую он «любил погружаться так, что оставалась только маленькая щелочка для того чтобы дышать». Он согласился с моим замечанием, что возможно, перина для него была продолжением бабушкиного тела, и добавил, что у него было много телесного контакта с бабушкиным телом, которое было таким же мягким, как и перина.

С самого начала чувствуя в своем контрпереносе желание окружить его теплом и заботой, как бабушка, я поймал себя на ассоциации — стремлении «залечить его раны». Я спросил себя в связи с этим: «от каких ран я хочу его излечить?» От непережитой боли, связанной с потерей бабушки? Да, но рана явно была глубже. Внезапно я услышал внутри себя: «от боли, связанной с потерей матери». Это была парадоксальная ассоциация, которая удивила меня: ведь его мать была жива. Было ли это моим бессознательным эмпатическим сопереживанием, связанным с его страхом возможной потери матери? И это, конечно, тоже. Но все-таки последующий ход моих размышлений привел меня к мысли, что, возможно, его мать поначалу не была для него холодным, замкнутым и безэмоциональным объектом. Возможно, она была достаточно теплой и хорошей в первые полтора года жизни Николая. Однако, не сумев пережить внезапную потерю своего отца и последовавшую вскоре смерть матери, она могла замкнуться в своем горе и отгородиться от маленького сына.

Любовь и забота бабушки, на мой взгляд, реактивировала в Николае вытесненную потребность в теплой матери раннего младенчества. Бабушка прочно заняла в его душе место любящей всемогущей матери первого года его жизни. Слушая его рассказы о бабушке, я ловил себя на ощущении, что материнская вселенная маленького ребенка возродилась в форме бабушкиной вселенной. Мягкая перина играла для него роль переходного объекта, которого он был лишен в раннем детстве

(Николай утверждал, что у него практически не было игрушек, в любом случае — что он не помнит ни одной из них). «Зарыться в перину бабушки — это было как забота Мира о тебе. Я проваливался вглубь перины и расслаблялся с ощущением полной защищенности...».

Бабушкина вселенная «согревала и питала» его, но одновременно способствовала регрессу к ранним прегенитальным состояниям и бегству от эдиповых переживаний.

Мне кажется, что сильные переживания Николая после смерти бабушки были работой горя лишь отчасти и, что, возможно, он переживал заново потерю питающего образа всемогущей матери своего раннего детства, вновь возвращаясь к ощущению прежней пустоты вовне и внутри себя и демонстрации собственной псевдо-взрослости и независимости.

С самого начала анализа, утверждая, что не любит и боится видеть сны, так как в них оживают его страхи, он рассказывает о своем первом за время анализа сновидении только через три месяца после начала нашей работы. В этом сновидении он стоит напротив женщины-индианки. Она была внутри закрытого ящика, крышка которого была стеклянной, и поэтому Николай мог видеть ее. Женщина была одета в индийское сари. «Я знаю ее, но не помню, кто это. Ей примерно 30 лет. Она смотрела на меня, и я смотрел на нее. Ее тело было по пояс в земле. Все это происходило ночью, внутри этого ящика был красный свет и поэтому эту женщину окружал красный свет. Она улыбалась мне улыбкой Джоконды». В своих ассоциациях он говорит, что такими ящиками закрывают на зиму каменные статуи в парках Москвы и что, в то же время, этот ящик напоминает ему гроб. «Это могла бы быть статуя Будды», — сказал Николай и тут же добавил, что «эта женщина была сексуальной. Сама атмосфера была сексуальная. Словно какая-то таинственная, непережитая мною любовь, интерес, страсть. Она меня соблазняла своим видом, улыбкой...». И словно успокаивая себя, он добавляет: «Сон был созерцательный, и эта фигура женщины была очень статичная, неподвижная, как, впрочем, и я. Я чувствовал, что я не мог двигаться, да я и не хотел двигаться. Мне было важнее просто смотреть на нее». Я обратил внимание Николая на то, что, будучи по пояс в земле, женщина, тем не менее, была одного роста с ним, что означало, что она в реальности была в два раза выше его. Удивившись этому обстоятельству и немного помолчав, Николай произнес: «Она была как Божество, как предмет культа, который ожил и с которым я мог общаться». Я заметил, что маленькому ребенку мама кажется огромным и божественным существом. Он ответил: «Эта женщина была с черными волосами, как моя мать, но это точно была не она». Я сразу же вспомнил хорошо

известный пример Фрейда, описанный в его статье об отрицании (1925): «Вы спрашиваете, кем может быть этот человек в моем сне. Это не моя мать». Мы уточняем: "Следовательно, это и есть его мать"». (Я, конечно, не сказал Николаю об этой своей ассоциации).

Думая о 30-летнем возрасте женщины во сне Николая, я спросил его, в каком возрасте мать родила его, и услышал ответ: «Мама родила меня в 28 лет. Я помню, что я восхищался ею в раннем детстве, она была **божественно** красива». После некоторого молчания он внезапно добавил: «Я помню свое самое раннее воспоминание. Бабушка взяла меня из колыбельки и поднесла к печке, чтобы показать мне огонь. Я часто вспоминаю это». Я обратил его внимание на то, что огонь красного цвета. Он согласился, что это похоже на красный свет внутри ящика. «Пламя в печке вызывало у меня восхищение. Оно освещало лицо бабушки, когда она держала меня на руках. Языки пламени, казалось, играли у нее на лице».

Я был очень удивлен этому внезапному сну Николая, который, казалось, подтверждал мои догадки о возможных переживаниях двухлетнего ребенка, мать которого, «окаменев» от горя, связанного с «гробами» своих родителей, стала для него недоступной и закрытой богиней. Огонь внутри, сексуальность и тепло от печки, тем не менее, опровергали ассоциацию матери со Снежной королевой (возникавшей в анализе). Был ли это ответ только бабушкиного, а не материнского тепла и сексуальности? Или этот красный свет символизировал спрятанную эмоциональность матери, которую иногда чувствовал Николай (например, когда мать читала ему на ночь рассказы)? Красный свет, как и пламя от печки, были запретными (моя ассоциация — запрещающий знак светофора) и опасными (огонь). Как бы то ни было, Николай быстро ушел от материнской темы и вернулся к воспоминаниям о бабушке.

Я узнал, что внутри этой бабушкиной вселенной жил не только младенец, но мальчик со своими влечениями и фантазиями. Однажды Николай рассказал мне, что любил мастурбировать, зарывшись в перину бабушки. Он не помнил своих фантазий при этом, но на другой сессии он упомянул, что мать жила с отцом, а он жил с бабушкой. Он сказал это в самом общем смысле, но это было так и в действительности: Николай и его бабушка занимали комнату, соседнюю со спальней его родителей. Третья комната была кабинетом отца, а четвертая — самая большая — гостиной. «Почему родители Николая предпочли, чтобы он жил в одной комнате с бабушкой?» — спросил я себя.

Как утверждал Николай, он никогда не спал вместе с бабушкой в одной постели. У него всегда была своя кровать. Подглядывал ли он за бабушкой, и что это рождало в его душе? Имел ли он фантазии о том, что

происходит за дверями родительской спальни? Мог ли он иметь фантазии, что нечто подобное может быть также и в его взаимоотношениях с бабушкой? Думаю, что все это происходило, большей частью на глубоко бессознательном уровне, возможно, преимущественно на телесном уровне функционирования, не достигая психических репрезентаций. Но некоторые фантазии, тем не менее, присутствовали. Как-то спустя год после начала анализа Николай рассказал, что в то время у него была фантазия, как он воюет с кем-то или сражается на шпагах. Он очень любил при этом прыгать и падать навзничь на бабушкину перину, представляя, что кто-то ранил его или убил в этот момент.

Можно увидеть в этом стремление Николая к идентификации с умершей на этой перине бабушкой, но также в этой игре, судя по его словам, было значительное эротическое удовольствие, близкое к оргазму. Было ли это удовольствием от фантазий о пенетрации со стороны фаллического образа бабушки-матери (смотри ниже его ассоциации с Бабой-Ягой и Кошчем Бессмертным)? Одновременно в этих фантазиях прослеживается гомосексуально окрашенное соперничество с отцом, в котором он всегда проигрывал. Не желая принимать пассивную гомосексуальную позицию, он предпочел идентифицироваться с архаическим бабушкиным образом, который в любом случае был бессмертным (как Баба-Яга).

На второй год анализа Николай вспомнил о своей детской фобии, которая одновременно со страхом вызывала какое-то странное возбуждение и удовольствие. Их дом находился рядом с железной дорогой. Каждый вечер, когда он ложился спать, он напряженно ожидал приближение поезда, звук которого сначала нарастал, достигал пика, когда поезд проходил рядом с домом, и постепенно исчезал по мере удаления поезда. Он воображал при этом, что это Баба-Яга летит на своем помеле и что она охотится за маленькими мальчиками, чтобы их похитить, утащить в лес, в свой дом, и съесть их там. Баба-Яга была очень злой и коварной старухой. Она была черна как ночь, лохматая, всемогущая и бесконечно опасная. Николай знал, что она летит за ним. Он трясся от страха, но чувствовал себя в безопасности под защитой своего дома.

Одновременно Николай испытывал удовольствие от этого страха: «Удовольствие быть схваченным, попасться ей — и удовольствие, что ты ей не достался. Она всегда пролетала мимо — звук появлялся, приближался и исчезал. Каждую ночь я ждал, что она прилетит: приближение звука, кульминация, расслабление... Я не спал, чтобы слушать это». Страх Бабы-Яги как негативного образа архаической матери был, очевидно, тесно связан у Николая с ее защищающим и заботящимся обра-

зом (любимая бабушка). Вспомнив его самое раннее и, как он утверждал, очень теплое и приятное воспоминание о бабушке, подносящей его к пламени в печке, я одновременно заметил для себя, что в русских сказках Баба-Яга, похитив героя, всегда разводит огонь в печке, чтобы его приготовить на огне и съесть.

Слушая Николая, я мысленно предположил, что, возможно, это его напряженное слушание изначально имело другой источник: он прислушивался к звукам, доносившимся из спальни родителей, к звукам, которые пугали и возбуждали его одновременно. Я высказал ему свое соображение о возможном источнике его напряженного слушания и, после длительного молчания, внезапно с удивлением услышал его ответ: «Сейчас я вдруг вспомнил одну деталь из того периода. С пяти до семи лет я спал в комнате родителей. Их кровать была у меня за головой — так же как и окно, из которого шел звук проходящего поезда».

В поисках защиты и сепарации от архаической всемогущей матери Николай в своих детских фантазиях прибегает к идентификации с другим персонажем русских сказок — Кошечем Бессмертным (мужской эквивалент образа Бабы-Яги). Он описывает это следующим образом: «Я с детства поддерживал темные силы, ища власти и всемогущества. <...> Я изживал эротические чувства, они замещались желанием власти и жадной уничтожения». Однако в этой идентификации с архаическим образом в скрытом виде существовали эдиповы фантазии — в сказках Кошей Бессмертный похищал принцесс и прятал их в своем неприступном замке.

Сессии, наполненные фантазиями и образами, были относительно редки в самом начале анализа. Однако постепенно появление образов и воспоминаний перестало ограничиваться одной сессией и продолжалось уже в течение нескольких сессий, каждый раз заканчиваясь и уступая место его главному поведенческому паттерну на кушетке — он жаловался на свою жизнь, на усталость, на пустоту и бессмысленность всего в его жизни: «Ну вот опять я повторяюсь и говорю о том, о чем тысячу раз уже говорил здесь... Вы не устали меня слушать?... Я хочу вам пожаловаться... я не хочу слышать свое нытье, стоны, хныканье... но я хочу сочувствия, как маленький ребенок, вспыльчивый, нетерпимый, неудовлетворенный...». Я спросил его, как это было в его детстве: когда он плакал или жаловался, жалел ли его кто-нибудь в эти моменты? Он ответил, что «всегда чувствовал нехватку, дефицит материнской любви... Мама никогда не плакала вместе со мной — я разделял ее эмоции, но не наоборот... Она была твердокаменная...».

Опасаясь возможного защитного ухода Николая в фантазии и прошлое от настоящего, я часто его спрашивал о любовных отношениях с друзьями-

ми, на что он всегда отвечал примерно таким образом: «Как можно рассказывать о том, чего нет? Я больше стремлюсь к дружеским отношениям, а не сексуальным. Часто мне просто достаточно засыпать с кем-то рядом. Мне нравится теплое мужское тело, которое согревает меня. Это как общение без слов». Ощущая одиночество и «сомневаясь, кто ему нравится — парни или девушки», Николай одно время пытался строить отношения с девушками. Это всегда были дружеские отношения, и у него «не возникало никакого желания» перевести их в сексуальную сферу. В конце концов, к 30-ти годам он решился искать друзей среди геев и после этого имел два недолгих любовных романа. Оба романа закончились тем, что партнеры покидали Николая, возможно, ощущая его потребность скорее в детско-материнских, нежели во взрослых отношениях.

В периоды внутреннего и внешнего одиночества Николая я особенно остро чувствовал его страх, что во время сессии я живу своей жизнью, параллельной его жизни (как его родители), т.е. думаю о своем, не слушаю его, и мне неинтересно то, что он говорит. Иногда в таких состояниях Николай мог начать еще больше жаловаться на жизнь, активно ища моего сочувствия (в контрпереносе я в эти моменты чувствовал желание успокоить его, говорить больше, чтобы поддержать его, обращаться с ним как с маленьким ребенком, которому нужна поддержка и одобрение взрослого). Иногда же он, напротив, как будто автономизировался от меня, и складывалось ощущение, что он говорит сам с собой, забыв о моем существовании. Думаю, что тем самым он заставлял меня переживать то, что он сам чувствовал в детстве. В такие моменты в контрпереносе я ощущал свою беспомощность, бессилие достучаться до него, внезапно возникающую сильную сонливость.

В другие, более «живые» периоды анализа, в которых появлялись образы, сны и фантазии, я начинал чувствовать энтузиазм и большой интерес. Я часто спрашивал себя, не использует ли Николай свои рассказы о снах как способ соблазнения меня, скорее нарциссического, чем эротического обольщения: я должен был начать восхищаться им, так же как он восхищался мамой, читавшей ему на ночь. В первые полтора года анализа в его снах и ассоциациях к ним никогда не было явного сексуального содержания, несмотря на его скрытое присутствие в них. Когда я обращал его внимание на сексуально заряженные ассоциации, он или не реагировал вообще, или, соглашаясь с этим, никак не развивал эти ассоциации. Однажды я проинтерпретировал это как защиту от сексуального влечения ко мне. Я вполне сознательно не сказал «гомо-сексуального влечения», поскольку ощущал в тот момент сложность его переноса — на более поверхностном уровне это была словесная (гомо-

сексуальная) дуэль с отцом; глубже — влечение к матери (эдиповой или прегенитальной? — это был вопрос, который я себе все время задавал).

После долгого молчания Николай начал рассказывать про фильм, поставленный по повести Гоголя «Вий». «В этой истории слишком много явной сексуальной символики. Но если есть секс, то нет ощущения сказочности... Если в сказке появляется секс — пропала сказочность и необычность». Необычность, потусторонность волшебных образов сказок или снов помогала ему избегать непереносимого сексуального возбуждения, связанного с первосценой. Рассказывая про монаха, которого в повести Гоголя преследовала ведьма, он сказал, что тот был как теленок (мы, конечно, тут же ассоциируем: ребенок), который внезапно встретился с сексуально агрессивной ведьмой. Подробно описывая переживания монаха (ребенка), испытывающего животный ужас от встречи с этой женщиной, он оговорился, что монаху не помогли и обращения к Богу (отцу) за помощью. Эта ведьма сожрала его.

Внезапно он спросил меня: «Я не очень вас пугаю своими рассказами?», и я понял, что в этот момент он ощущал себя ведьмой (Бабой-Ягой), а мне была отведена роль несчастного ребенка.

Где-то в тот же период я сам увидел сон с участием Николая. В этом сне я помогаю маленькому ребенку (будучи абсолютно уверенным, что это Николай) стоять на моих коленях. Я чувствую во сне испуг, снимаю его со своих коленей и указываю на место рядом с собой. Первая моя ассоциация при утреннем воспоминании об этом сне была связана с моим возможным страхом его гомосексуального желания, направленного на меня. В следующий момент я вспомнил, что именно таким образом я любил держать свою маленькую племянницу, когда ей было около двух лет. Два года — это приблизительный возраст Николая, когда его мать замкнулась в своем горе (потеря родителей), перестала быть для него эмоционально теплой и любящей матерью и отстранила его от себя. В то же время отец оставался теплым и телесно близким для него в течение всего его раннего детства. Мне пришло в голову, что, возможно, мой страх кастрации продиктовал мне необходимость отодвинуть Николая на некоторое расстояние — ценой потери контакта с его маленьким «Я», ищущим гомосексуального тепла в отношениях с отцом и одновременно, на более глубоком уровне, ищущим любящую мать. Думаю, что в моем сне также присутствовала архаическая угроза от маленького Николая как от всемогущей фаллической матери, что, возможно, отражало мое бессознательное желание не принимать на себя его детские проекции жуткого страха перед Бабой-Ягой.

С самого начала анализа Николай подчеркивал свое пренебрежение отцом. Обесценивание отца несло в себе некоторый эдипов заряд; Николай спрашивал себя: «Почему мать вышла замуж за отца? Зачем они жили вместе, что их объединяло на почве пустоты? Может быть, их объединяло отсутствие у каждого из них собственного Я?». Ледяная пустота из прегенитальных взаимоотношений с холодной матерью (материнский образ как образ «Снежной королевы») замораживает здесь фантазии о первосцене, устрняя эдиповы переживания.

Вместе с тем периодически он задавался вопросами: «В чем состоит загадка их сексуальных отношений? Как часто они занимались любовью? Что им нравится? Что предпочитает мама, а что отец?». Часто эти вопросы соседствовали в анализе с воспоминаниями о «совместном пьянстве, которое объединяло родителей». Николай описывал это «совместное пьянство», используя слова «безудержная страсть», «желание», «удовольствие». Однажды Николай произнес с отчаянием: «он пил, и она пила... у них были одни голые чувства... и у того, и у нее». Подобная связь воспоминаний о пьянстве («голые») с фантазиями о первосцене прослеживается в разном материале и в разное время анализа. Здесь же видно и эдипово напряжение: отец отчуждается и превращается в «того», мать остается «она».

Алкоголь стал символом «отвратительной связи родителей друг с другом». Однажды Николай сказал, что сексуальная связь с женщиной — это что-то извращенное и отвратительное. Я думаю, что его фантазии о первосцене (а возможно, и ранние наблюдения полового акта пьяных родителей) были замещены отвратительными и извращенными образами совместного пьянства его родителей (регрессия к оральному уровню).

Отрицание первосцены, в частности, выражалось у Николая посредством фантазии о комбинированном родителе: «я очень долго воспринимал родителей как одно целое». Рассказывая о своем детстве и говоря о родителях, он почти всегда употреблял местоимение «они», редко дифференцируя отцовскую и материнскую фигуры или свое отношение к ним.

Я спрашивал себя, является ли это уходом в регресс (защитой от эдипова конфликта) — или же это слияние родительских фигур отражает более глубокую проблему: силу фантазии об архаической фаллической матери, распространяющей влияние на всю его жизнь. Думаю, что верно как первое, так и второе.

Мои попытки связать пьянство родителей с фантазиями о первосцене внезапно принесли эдипов материал. Николай много говорил о

любимой матери, жизнь которой исковеркал отец. «Отец для меня был помехой, раздражителем, человеком, на которого мать отвлекалась». Николай считал, что именно отец втянул мать в пьянство и заставлял ее пить. Она была его жертвой и послушно шла на это. Николай очень хотел ее спасти, но понимал, что это невозможно. «Отец всегда осмеивал мою тягу к матери... он издевался надо мной, когда я звал: мама, мама, мама... Он был импульсивным и злобным, когда выпивал». Одновременно вырисовывалась и прямо противоположная картина: «Я никак не мог добиться, чтобы мать не пила... Она устраивала безобразные сцены... Я вспоминаю свое отвращение от наблюдения за ней пьяной... эта ее **плотскость, телесность**, ее запах, слюни... все это было отвратительным, отталкивающе-женским... Она была пьяной и находилась в бессознательном состоянии, в то время как я был в сознательном состоянии и **наблюдал** за ней. Я общался с любимым и одновременно ненавидимым мной человеком...». И сразу же за этим: «Я хотел спасти ее, присвоить, сделать ее своей... **своим продолжением...**». Мгновенный регресс от эдипова желания («сделать мать своей...») к прегенитальному уровню и идентификации с всемогущей матерью («сделать ее своим продолжением...»).

Его материнско-бабушкин перенос отчетливо проявлялся каждый раз перед любым моим отъездом, и в особенности ярко этот перенос проявился перед летним месячным перерывом. Задолго до летнего перерыва Николай начинал каждую сессию с описания своего «пустого и бессмысленного существования». «Я хочу отключить свои эмоции, разочарование и усталость, я ничего не хочу... я хочу вернуться обратно в инфантильное состояние, чтобы от меня ничего не зависело, но чтобы при этом все было хорошо». В ответ на мое замечание, что инфантильное состояние — это состояние младенца, нуждающегося в заботе матери, он сказал, что вдруг понял смысл своего «внутреннего крика» без слов, который, казалось, всегда жил в нем. «Я понял, что этот внутренний крик — это крик-звон: мама... мама... мама... Мать рассказывала мне, что я часто надрывно кричал и звал ее... Я звал ее, но она не приходила. Я кричу — и никто не приходит... Общение ни с кем... с самим собой... У меня всегда было такое ощущение, что я жил в пустом Космосе и вокруг не было никого...». Я сказал: «Возможно, сейчас, перед летним перерывом, вы чувствуете то же самое и здесь — так, словно вы зовете меня, а меня нет рядом». В этот момент Николай горько заплакал и сквозь слезы начал говорить: «Так и есть. Я кричу и здесь, и никто мне не отвечает. Я все равно всегда буду один. Поверить, что ты можешь быть не один и кто-то отзовется на твой крик, это значит сделать себе

еще больше в будущем. Лучше уйти в одиночество. Лучше пусть будут вопли в стену. Тогда ничего уже не будет кричать...». Я тихо напомнил ему о боли, связанной с потерей любимой бабушки, и он признался, что у него были фантазии, что, возможно, осенью наша работа не сможет быть продолжена по какой-либо причине: может быть, что-то случится со мной, или я внезапно потеряю к нему интерес и решу прекратить нашу совместную работу.

Были и другие фантазии, в которых Николай был либо принцем, либо королем в волшебном королевстве. Он жил в замке, больше похожем на неприступную крепость. В этих придуманных им сказках у него мог быть кабинет министров, но никогда не было ни принцессы, ни королевы. В своих ассоциациях в момент рассказа об этих сказках он оговорился, что заставлял детей в детском саду слушать себя. Спустя несколько минут он вспомнил, как подолгу ожесточенно спорил с отцом на разные темы. Думаю, что в этих фантазиях об одиноком, прячущемся за высокими стенами принце или короле он проигрывал гомосексуальные фантазии о себе и об отце-агрессоре и исходящей от каждого из них угрозе. Однажды Николай видел сон, в котором могущественный пират захватывает его судно, и он сражается с ним на шпагах. Одновременно в этой фантазии о короле можно увидеть его защитную идентификацию со всемогущим отцовским образом — королем. Эта идентификация с агрессором ярко проявилась в подростковый период Николая. Он постоянно вербально нападал на отца, поучая его, воспитывая и объясняя отцу, как он должен жить. Однажды он признался: «В какие-то моменты тесного близкого контакта с отцом я чувствовал, что я хочу быть таким, как отец».

Важным моментом в анализе стал сон с глазами-луковицами, который Николай увидел в ответ на мою интерпретацию переноса на двух предыдущих сессиях. На первой из них он рассказал о сне, в котором он ходит по темному и мрачному помещению, в углу которого стоит бюст Фрейда. В ассоциациях он сравнивает это помещение с музеем Фрейда в Вене, в котором он был некоторое время назад. Фрейд показался ему холодным и отчужденным. Я интерпретировал это как его защиту от гомосексуальных желаний, связанных с теплым образом отца и меня (могущественный, угрожающий кастрацией отец-аналитик?).

На второй (из двух, предшествовавших сну с глазами-луковицами) сессии Николай рассказывал о сне, в котором он видит двух мужчин, очевидно, являющихся любовниками. Он с завистью смотрит на одного из них, представляя себе, что он мог бы быть на его месте. В этот момент кто-то говорит ему: «ты зря ему завидуешь, его любимый мужчи-

на — алкоголик». Алкоголик в ассоциациях связывался с отцом, и я рискнул дать интерпретацию, что сон, возможно, показывает, что Николай в своих фантазиях о сексуальных отношениях отца и матери идентифицировался с материнской позицией, а отец при этом из могущественного (Фрейд) превращается в никчемного (кастрированного) — «алкоголик». Сразу после этого Николай видит сон о глазах-луковицах, заполненный образами самокастрации. В этом сне он чувствует, что его глаза нереально выпучены. Они похожи на выпуклые линзы или на луковицы. Он берет нож и делает им маленькие круговые срезы (как режут кругами луковицу). Он срезает дольку глаза и съедает ее. Он добавляет, что это было невкусно, но съедобно. В ассоциациях он говорит о том, что ест себя, какой-то свой предмет, часть своего тела. В ответ на мое замечание, что линзы — это то, что увеличивает, он отметил, что его задачей было уничтожить это... «Эти выпуклые глаза были как очки, которые слишком сильно приближают предметы. Я хотел сделать слабые очки, чтобы был размытый контур, тогда не так все ясно и легче воспринимать».

В своих размышлениях об этой сессии я сначала полагал, что сон Николая показывает его защиту-самокастрацию перед лицом кастрационной опасности, идущей от отца. Его выпученные от возбуждения глаза, наблюдающие первосцену или фантазирующие о ней, отражали, на мой взгляд, его желание обладать матерью так, как это делал отец. Сталкиваясь со страхом кастрации за эти желания, он защищает себя, отказываясь от идентификации с отцом в первосцене, и занимает материнскую позицию, кастрируя себя сам. Одновременно я чувствовал сомнения в этой эдиповой картине, связанные с явным присутствием архаического каннибалистического материала. Не имея возможности обладать матерью сексуально, он «поедал» ее глазами. (Мы помним расхожее выражение «поедать женщину глазами», которое отражает сильное неудовлетворенное сексуальное желание.)

Последующие сессии показали ошибочность моего «эдипова» оптимизма (что, в частности, помогло мне лучше прочувствовать мое контрпереносное желание помочь Николаю стать «настоящим гетеросексуальным мужчиной», связанное с моим собственным страхом кастрации). Придя на следующий день, он без всякой связи с предыдущим сном сразу же заявил, что чувствует себя в полной депрессии и продолжает себя **есть**, что у него опускаются руки и он ничего не хочет. «Мне всегда удавалось сохранить нечто, отказавшись от секса». Внезапно он замечает, что статуэтка, которая стоит у меня в кабинете, напоминает ему бабушкину комнату (я думаю, что он при этом регрессировал в пе-

реноксе к двойственному архаическому материнскому образу: любимая защищающая бабушка — и одновременно Баба-Яга, которая поела детей). В следующий момент мне приходит в голову, что, возможно, в своих фантазиях о первосцене он боялся не только эдипова отца, но и, в первую очередь, доэдипову мать (Бабу-Ягу), угрожающую его съест.

Николай начинает рассказывать, что всегда боялся насилия со стороны женщин. Он уже не в первый раз вспоминает детскую историю о «почти изнасиловании» (когда девочки хотели, чтобы он снял штаны) и вдруг заявляет, что «женщины используют мужчин и их основной инстинкт — скушать мужчину и переварить его». В этот момент я начал лучше понимать силу его архаических страхов и желаний, связанных с материнским объектом. Проецируя на женщин свое каннибалистическое желание «съесть мать (грудь матери)», он встречается с этим своим желанием в их глазах и испытывает первобытный ужас. Размышляя о его «глазах-луковицах», я начал постепенно чувствовать вторую составляющую этого образа. Поедание луковиц, с их похожей на женскую грудь формой и вытекающим при разрезе соком, приводит нас к его неудовлетворенной потребности в кормящем образе внутренней матери, которую он, возможно, безуспешно пытался интроецировать в раннем детстве.

На следующий день Николаю приходит в голову знаменитый двусторонний рисунок Дюрера. Он описывает его: «На одной стороне рисунка изображен изысканный молодой человек, а на другой стороне — Баба-Яга, страшная старуха с обнаженной грудью, с обвисшей кожей, ведьма». В этот момент мне пришло в голову, что гомосексуальные попытки Николая выстроить отношения с мужчинами являются не только поиском в отцовских заместителях теплой матери, но и попытками сепарироваться от всемогущего смертоносного архаического образа матери. Одновременно я подумал, что, возможно, за этим образом страшной старухи скрывается образ младенца, страстно желающего «созреть» материнскую грудь, «переварить» ее и сохранить навсегда внутри себя. Вспомнив свой контртрансферентный сон о Николае, я понял, что боюсь принять его материнские проекции и почувствовать себя его матерью (в трансферентно-контртрансферентных отношениях) не только из-за своего страха кастрации, но также и потому, что я боюсь быть им «съеденным». Однажды он сказал мне: «Вы — часть меня».

Постепенная проработка прегенитальных конфликтов с одновременным уделением внимания проявляющемуся эдипову материалу позволила Николаю яснее выражать в словах свои эмоциональные переживания в отношении отца и матери, уже не объединяя их в одно нераз-

рывное целое. Он начал описывать свои амбивалентные чувства к каждому из них. «У меня двойственное чувство к своему детству. Двойственное отношение к матери и к отцу. Каждый из них был по-своему добр и заботлив, но и предавал меня».

Эта двойственность внутреннего мира Николая присутствовала и на архаическом уровне — устрашающая Баба-Яга и любимая идеальная Бабушка. Страх поглощения архаической Бабой-Ягой поддерживался, с другой стороны, его страстным желанием слияния с идеальной питающей матерью своего младенчества — доброй и любящей Бабушкой (в некоторых его снах появляется женщина-ангел, заботящаяся о нем).

Постепенно Николай, как он выразился, «начал все больше вспоминать своего отца». Отец оказался более открытым, веселым и эмоциональным, чем мать. Теперь уже отец не казался ему агрессором, навязывающим матери свою волю. Николай сказал, что начинает лучше чувствовать беззащитность отца и его слабость перед женскими фигурами. Отец Николая не знал своего отца, который погиб на войне. Он тоже был единственным ребенком у своей матери (любимой бабушки Николая). Николай начал понимать, насколько сильно его отец был зависим от своей матери и что он, по сути, «всегда оставался подростком в отношениях с ней». «Когда бабушка умерла, ее место заняла мама. Она взяла всю ответственность за него на себя и потащила его на себе».

Одновременно Николай начал чувствовать сильную злость на отца за то, что тот не был для него настоящим авторитетом, образцом для подражания. Спустя некоторое время он, тем не менее, вспоминает важное переживание, связанное с началом учебы в школе. Отец обнимает его и говорит, что у него начинается новая жизнь. «Я чувствовал в тот момент силу и авторитет отца. Это был пик ощущений... символический день». Это движение к сепарации от матери закончилось довольно быстро — через несколько дней семья Николая переехала к бабушке.

Его глубокая потребность в сильной и надежной отцовской фигуре, отцовском авторитете проявлялась в положительном отцовском переносе — ожидании моего покровительства. Однажды он признался мне, что иногда чувствует себя ребенком, который ждет подарков от Деда Мороза. Я предположил, что здесь, в аналитическом кабинете, он может ожидать подарков от меня как от всемогущего доброго Деда. Он согласился и описал, каких именно подарков он ожидает: «У меня есть надежда, что есть кто-то, кто будет покровительствовать мне, поддерживать меня, выделять, одобрять мои действия, наставлять, напутствовать и верить, что у меня все может получиться... Но я же знаю, что Деда Мо-

роза не бывает... Я долгие годы жил без внешнего авторитета, который бы говорил мне, что я должен делать...». Тут же он обесценивает мой авторитет: «Помощь нужна, но ее негде взять... я чувствую детскую обиду, что отец не был для меня авторитетом... Я сам вынужден был стать авторитетом для него». Я говорю: «Детская обида на отца и на меня... Я не всемогущий Дед Мороз, который решил бы ваши проблемы чудесным образом... помощь, которая не обладает магической силой, обесценивается». Он отреагировал немедленно: «Я не хочу испытывать удовольствия ребенка, который обречен играть взрослого. Сейчас — не хочу. Хочу быть просто слабым ребенком. Если бы отец имел авторитет, он бы взял меня за руку и сказал — хватит ныть, возьми себя в руки, делай это и это. Таким отцом была для меня бабушка. После ее смерти уже никаких авторитетов не было».

Эта мгновенная реакция Николая показывает силу его зависимости от архаического материнского объекта. Только волшебный и добрый магический отцовский объект — Дед Мороз — мог бы противостоять силе всемогущей матери и помочь Николаю сепарироваться от нее. В глубине себя он полагал, что простой человек (реальный — не всемогущий — отец или психоаналитик) был на это неспособен. Отсюда происходила и его сильная потребность в идеализации меня, и бессознательное наделение меня магической «аналитической» силой. Эта идеализация сначала была негативной и отчуждающей (например, холодный и безжизненный образ Фрейда в его сновидении, Кошей Бессмертный и т.п.), но постепенно Николай развивает более теплую и защищающую идеализацию (Дед Мороз, «Сенека, беседующий со своим любимым учеником Луцилием», известный российский философ Лосев и т.п.).

Хотя я и чувствовал в контрпереносе желание помочь Николаю вернуть живой и теплый образ отца (который все чаще проявлялся в материале), я не торопился прорабатывать этот идеализирующий перенос, поддерживая тем самым его стремление к сепарации от архаической матери и помогая возникновению более реального материнского объекта. Одновременно я все время старался чувствовать, не ухожу ли я таким образом от его скрытого агрессивного переноса, связанного с его, как он всего один раз выразился, «звериной злостью к отцу». По мере сепарации мы начали проработку этого идеализированного отцовского переноса.

Целью этой статьи не является подробный рассказ обо всем ходе длительного и богатого переживаниями психоаналитического процесса. Я предлагаю вниманию читателя подробное описание лишь одной сессии нашей совместной работы в конце второго года анализа.

Мои комментарии даны в скобках и выделены курсивом; если в комментариях я использую прямые ссылки на материал Николая, я помещаю его слова в кавычки; троеточием (...) отмечены короткие паузы.

Николай: Я видел необычный сон сегодня.

Я сижу на пляже с какой-то девушкой. Смеркается или уже темно. Она мулатка, и у нее очень черные волосы... Это можно себе представить, если вспомнить клип группы «Блестящие» (поп-группа, состоящая из четырех певиц, эксплуатирующих образ сексуальной женщины-вамп). Эпатирующая девушка с красивым телом, одетая в летнее платье. Потом она поднимает на меня глаза, и я вижу, что она слепая. Нет... на самом деле она не слепая, у нее глаза из фильмов ужасов. Белое глазное яблоко, черная радужка и белый зрачок почему-то в форме замочной скважины, из которой шел свет. Глаз получился какой-то светящийся...

И она оказалась еще косая к тому же. Сначала я один глаз заметил, потом увидел другой — он был просто белый... Я отвожу от нее взгляд и перевожу его на сидящего рядом со мной моего друга Олега, с которым у нас была дружба 10 лет назад. Я начинаю говорить с ним об отдыхе и обсуждать планы, куда мы поедем отдыхать.

(Слушая сон Николая, я испытываю удивление от впервые появившегося в нашей с ним работе образа мулатки. Почему именно мулатка? Внезапно я вспоминаю, что мулатка уже была в его самом первом за время анализа сновидении о женщине-индианке (мулатке!). У той женщины тоже были черные волосы (как и у матери Николая). Божественный (индианка) и одновременно сексуально-агрессивный (женщина-вамп) образ матери? Замочная скважина, слепота — образы, связанные с первосценной?)

Мне редко снятся фантастические образы, но эта девушка была какой-то... *(Молчание.)* Понимаете, в ее взгляде было что-то змеиное, что-то кислотное... что-то отталкивающее, на фоне ее внешней красоты... что-то нечеловеческое и что-то превосходящее тебя... Она была как инопланетное существо. В фантастических фильмах можно увидеть такие необычные глаза... Непонятно, что это было... это была ее болезнь — или у меня была такая фантазия? ... И эта замочная скважина, через которую шел свет... свет был не таким уж солнечным... он был как маленький прожектор...

Психоаналитик: ...и вокруг черный зрачок?

Николай: Нет, не так. Вот у меня серые глаза и черный зрачок. А у нее вместо серого цвета был черный, а зрачок у нее был в виде замочной скважины, из которой шел свет... *(Молчание.)* Или, может быть, было по-другому. У нее был очень большой черный зрачок, который расширился до размеров всей радужной оболочки. Знаете, так бывает, когда

расширяют зрачок, и он становится большим. Мне сейчас пришло в голову такое сравнение. Когда мне делали операцию на глазах, мне расширяли зрачок, и он стал огромным. Мои глаза вместо серых стали черными. И вот как будто в этом огромном зрачке есть такая замочная скважина... (Молчание.)

(Я вспомнил, что зрачок глаза обычно расширяется при эмоциональном возбуждении, болевых ощущениях и других раздражениях. Возбуждение? Боль от возбуждения?)

Я думал утром о том, почему мне приснилась такая чертовщина. Я вспомнил про свои глаза после операции только сейчас, но утром я подумал о Саше (мужчина, с которым у Николая были гомосексуальные любовные отношения в последние три месяца). Саша сделал операцию на глазах две недели назад. У него были такие же огромные черные зрачки. Он у меня ассоциируется с женским образом... может быть, что-то, связанное с ним, я и вложил в этот образ из сна. Какие-то мысли о его операции, о его женском образе, возможно, перешли в этот сон...

(Саша и Олег — друзья Николая. Николай отворачивается от пугающего его женского образа (слепая девушка) к Олегу (Саше), к теплому и дружескому женскому образу Саши (Олега). Занимает ли он при этом отцовскую позицию в первосцене, замещая мать на мужчину-друга? Или он здесь — маленький ребенок между матерью и отцом? Ребенок, выбирающий отношения с отцом как более доступные и теплые?)

С другой стороны, Николаю, как и Саше (женский образ), делали операцию на глазе — кастрация? Следовательно, и он ощущает себя кастрированным и женственным (как Саша).

Я вспомнил о сне с глазами-луковичами и их обрезании. Уничтожение возбуждения? Сделать глаза слепыми?)

Я не помню, о чем мы с девушкой говорили во сне, хотя мы точно говорили о чем-то... Я не помню, чтобы в этом сне у меня было какое-то влечение к этой девушке, хотя она была очень красивая внешне, с хорошим телом, спортивная, хорошо одетая, но, правда, с черными волосами, вьющимися волнистыми волосами...

(«Но с черными волосами...» Почему здесь появляется «но»? Даже намека на влечение не может быть к женщине с черными волосами (матери)?)

И когда она посмотрела на меня, я понял, что, общаясь с ней, я не видел ее реального образа. До этого момента она сидела, потупив глаза, и я не понимал, с кем я общаюсь. И конечно, этот момент был для меня моментом испуга, отталкивания, отторжения ее... я понял, что здесь появилось что-то инородное... в ней. В этот момент ее кожа начала приобретать какой-то змеиный окрас, темно-бурый.

(Что это «что-то инородное... в ней»? Пенис? Что-то иное? «Кожа начала становиться темно-бурой» — мулатка начала превращаться в индианку? Девушка — в архаическую мать?)

Но в то же время она никуда не делась в этом сне, она продолжала сидеть рядом со мной, и у меня появилась мысль во сне, что мне ее жалко, что она болеет, что она не может видеть нормально. Я понимал, что это не какая-то нечистая сила, что это было что-то ненормальное, болезненное. Я не смог сразу распознать эту ее болезнь.

(Больная, надломленная горем (кастрированная) мать? Больная диабетом бабушка? Безопасный материнский объект, который можно пожелать, но который нельзя желать?)

И вот это чувство, с одной стороны, испуга, с другой — жалости и, может быть, разочарования, а может быть, и обмана, промелькнуло во мне. Потом я перевел взгляд на Олега... Было чувство, что мы втроем путешествуем и решаем, куда поедем дальше... (Молчание.) Это напоминает о моих путешествиях с Ниной и Мишей...

(Николай имеет многолетние отношения с Ниной, дружеские и очень теплые. Они были душевно близки одно время, но когда Нина поняла, что не сможет создать семью с Николаем, она вышла замуж за Мишу. Николай был сначала обижен этим, считая это предательством, но потом начал дружить с ними обоими. Они часто вместе проводят отпуск и ездят куда-либо.)

Вчера, когда я ехал домой после сессии, у меня была мысль: «а может, мы с Ниной подходили друг другу?» Мы так тянулись друг к другу в самом начале, да и сейчас мы лучшие друзья...

(Николай, Нина и Миша — Николай, его мать и отец? Эдиповы отношения, которые Николай проигрывает со своими друзьями и во сне? В его сне у него есть отношения с девушкой и отношения с другом — однако есть ли там, в его сне, отношения между ними? В то же время, когда Николай, Нина и Миша путешествуют вместе, то Нина и Миша спят вместе, а Николай спит в другом номере. Нуждается ли он в подобных отношениях «втроем» (ребенок, мать и отец) больше, чем в гомосексуальных отношениях?)

Два образа отца: женственный и теплый Олег (Саша) — и отбирающий у него мать Миша. Два образа матери: теплая, но предающая его Нина — и холодная и опасная девушка с глазом как замочная скважина.)

Этот сон был как проживание жизни не в реальности, а как в кино, без особого участия в ней... нежелание испытаний... нежелание лишних препятствий в жизни...

(Прорыв желания «может, мы с Ниной подходили друг другу?» — и сразу же защита: уход в пассивное наблюдение через «замочную скважину»,

«жизнь как кино», просмотр кино без эмоций, без участия. Страх борьбы, соперничества с отцом?

Или, может быть, проекция собственного возбуждения на мать, встреча с ним в ее глазах, страх сексуального насилия со стороны матери (сексуальная агрессивность женщин) и перевод взгляда на отца?)

Вчера вечером я пришел домой и начал читать книгу Лосева «Диалектика мифа». Я читал о поэзии мифов, об их схожести и различиях. Я так соскучился по такой литературе. Она заставляет меня размышлять. Недавно я прочел журнал, в котором были психологические тесты. Там была интересная мысль, что не важно, какой будет результат теста, а важен тот процесс, который человек переживает при обдумывании вопросов теста. Читая книгу Лосева, у меня было то же самое чувство — наслаждение читать эту книгу не ради какого-либо результата. Было не так уж важно, насколько я понял его мысли: на 70%, на 80% или я понял абсолютно все, но было важно войти в процесс додумывания, соучастия в размышлении вместе с автором. Ощутить этот процесс его размышления на тему мифов и запустить его в себе.

(Опять уход от эмоциональных переживаний в рационализацию? Уход от соперничества с Мишей (отцом, аналитиком) в его идеализацию как защита от агрессии? Я в переносе превращаюсь в авторитетного философа Лосева (размышлять, но не чувствовать). Должен ли я сейчас прорабатывать скрытый за идеализацией агрессивный перенос? Или в данный момент этот перенос может играть важную для Николая роль, оказывать помощь в сепарации от архаических, потусторонних и «инопланетных» материнских образов? Почему именно Лосев? Лосев — философ, изучающий мифы, то есть нечто «потустороннее» и архаичное. Возможно, Николай мог бы бессознательно думать следующее: «Возможно, Лосев (аналитик) сможет помочь мне понять мифы о моей матери и вернуть мне ее реальный образ?». Что мне показало также очень важным — это его акцент на процессе размышления, а не на результате, акцент на «додумывании и соучастии в размышлении вместе с автором (аналитиком). Это уже совместное творчество (терапевтический союз), а не пассивная нарциссическая позиция.)

Наверное, начитавшись этой книги... я вам вот что скажу.. Я начал рассказывать одному человеку об Индии (Николай любит ездить на отдых в Индию). Это знакомый одного моего старого друга. Он слушал меня и сказал внезапно: «ты мог бы написать об этом», и я сразу вспомнил, что такое же удовольствие я испытывал, когда рассказывал сказки в детском саду. Было очень приятно...

(Что это — позитивная и развивающая идентификация с отцом, дающая возможность самовыражения? Или, напротив, сковывающая нарцис-

сическая компенсация? Скорее второе, так как Николай вспоминает об удовольствии всемогущества, которое он испытывал в детстве, провоцируя восхищение слушавших его детей. Это означает, что он ожидает этого восхищения и от меня?)

Хочется читать больше о тяге человека к полноценной жизни, свободной, природной, с неувядающим интересом ко всему происходящему вокруг... О поиске себя... Когда мы ехали с Сашей в поезде в прошедшую субботу в Санкт-Петербург и возвращались обратно в Москву в воскресенье, мы всю дорогу проговорили. Я рассказывал ему о том, что я сейчас читаю и что я об этом думаю. Время в дороге быстро пролетело. *(Молчание.)*

(Николай говорит о свободе и поиске себя. Но при этом «рассказывает женственному Саше», который восторженно слушает его. Он говорит об этом аналитику и ожидает от меня той же реакции, как и от женщины (матери)? Что здесь? Отказ от взаимодействия с отцом и поиск себя в восхищенных глазах матери? Только любовь и одобрение матери может даровать свободу?)

Я чувствую себя сейчас человеком, который хотя бы несколько последних дней не занимался только материальными проблемами, не проживал жизнь сугубо бытовую, а знал, что в его жизни есть также духовные интересы, интересы его души, которая ищет впечатлений от фантазий, от сказок, от придуманных историй, от размышлений о том, что могли бы чувствовать люди в реальных или придуманных обстоятельствах.

Это очень интересное состояние — быть причастным этой жизни.

(С одной стороны, кажется, что Николай выражает желание быть живым и чувствовать, желание быть причастным жизни, а не просто проживать ее.

Но, с другой стороны, очевидно расщепление: материальное и духовное, телесное и душевное, сексуальное и интеллектуальное, женское и мужское, анальное (нечистое — «нечистая сила») и чистое.)

Я говорю об этом и подозреваю, что в этом есть момент бегства и отрицания материального, на что вы часто обращаете мое внимание. Но это отрицание возникло после погружения в хаос, в котором я нахожусь и находился, когда вынужден был заниматься всем тем, чем мне было заниматься либо противно, либо тем, что кололо меня, либо что было связано с какой-то борьбой или бытовым соперничеством. Моя тяга к чтению мифов, возникшая вчера, — это словно какая-то недооценка реальности... Но, может быть, кроме бегства от реальности, я стараюсь таким чтением восстановить свою способность читать и размышлять,

восстановить свое образное мышление. В последние годы у меня не было времени для этого, да и сейчас его почти нет. Я работаю, работаю, и это изматывает меня. Я чувствую, что мне это неинтересно, что эти люди мне не нравятся...

(Новое подчеркивание важности отцовского влияния, несмотря на соперничество с ним. Его замечание «восстановить свою способность читать и размышлять, восстановить свое образное мышление» кажется мне очень важным: мысли связываются здесь с эмоционально заряженными образами.)

Я испытал совершенно противоположное чувство в Санкт-Петербурге в эти выходные. Мы с Сашей зашли в литературное кафе. Там была удивительная атмосфера. Молодые ребята сидели за столами и играли в шахматы, в другом месте кто-то читал свои стихи. Уехав из Москвы, я словно вышел из привычной и неприятной комнаты, закрыл дверь и оказался в другой, очень интересной и полной жизни комнате. Оказывается, что это тоже может быть моей комнатой.

Психоаналитик: Мифы и реальность. Фантазия и реальность. Вы или в одной комнате, или в другой комнате. Если реальность отталкивает вас, вы убегаете в фантазию. Если фантазия пугает — убегаете в реальность.

Николай: Хм, может быть, и так, но что я могу сделать с этим?... *(Долгое молчание.)*

(Я чувствую дискомфорт, словно я сделал Николаю больно. Он говорит о том, что «и эта комната — его комната», то есть о связи двух комнат, двух противоположностей, а я возвращаю его в расщепление, которое он уже и так хорошо понимает. Я как могущественный интеллектуальный отец показываю ему его место (кастрирую его?). Я чувствую, как мой контрперенос требует от меня залечить эту рану, быть для него хорошей матерью. Я почувствовал вину...)

Психоаналитик: В этой двери между двумя комнатами есть замочная скважина...

Николай: *(Молчание.)* И там тоже может что-то светиться через нее. Это тоже фантастический образ... Всегда что-то светится... нет, не всегда... часто чувствуешь напряжение, тупую боль, полное опустошение. Но бывают и другие переживания...

... Почему я так нервничаю и несчастлив, когда я нахожусь в неприятной комнате? *(Молчание.)*

Психоаналитик: Комната ребенка и комната родителей...

(Сейчас, готовя этот материал, я подумал, не навязываю ли я Николаю мою собственную идею о роли замочной скважины в его внутреннем мире?)

Николай: В моем детстве, чтобы попасть в свою комнату, мне приходилось проходить через комнату родителей. Моя комната была дальней и тупиковой. Я мог попасть из нее только в комнату родителей. Двери у нас нигде не закрывались. Не было никаких секретов. Знаете, как это было у моих друзей в школе? У них родители закрывали дверь в свою комнату и говорили им: «вы можете приводить друзей к себе домой, но в эту комнату заходить нельзя». У меня дома такого не было. Я не мог, да и не хотел приводить к себе друзей. Я всегда ходил в гости к другим. Это же я делаю и сейчас.

Психоаналитик: На прошлой сессии мы говорили про экран, про ваше стремление наблюдать, про процесс смотрения, после чего вы увидели этот сон. Сон, в котором эта тема продолжается, но уже с участием женского персонажа. Сейчас это у нее в глазах замочная скважина, это она наблюдает и от этого наблюдения, возможно, слепнет. Это как будто происходит с ней, а не с вами...

(Молчание.)

Психоаналитик: Словно это она подглядывает за чем-то, за кем-то... Интересно, что здесь вы, возможно, вложили свои переживания в женский образ. Это не вы, а она. Это не у вас расширенные от эмоционального возбуждения зрачки, а у нее...

(Молчание.)

(Я пытаюсь обратить внимание Николая на его проекцию своих переживаний на женский образ. Я продолжаю говорить, не дожидаясь его ответа. Подталкивает ли меня материнская вина, диктуя мне желание лучше объяснить то, что я хочу сказать? Лучше разжевать ему ту пищу, которую я ему предлагаю, чтобы он мог переварить ее, не пережевывая? Не боюсь ли я, что он может воспринять меня как вторгающуюся Бабу-Ягу? Думаю, что здесь скорее мой материнский контрперенос.)

Николай: Когда она подняла глаза, я почувствовал присутствие чего-то неземного. Необычный свет, словно за этой замочной скважиной есть какое-то освещенное пространство, непонятно какое... и он... и вот этот медиум... она отталкивающая и пугающая. Ты на нее смотришь и пугаешься. Сначала пугаешься, затем ты видишь, что глаза у нее разные: один — с замочной скважиной, а второй полностью белый. Она смотрит только одним глазом, а второй глаз вообще не видит. Что она видит? О чем она думает? Ты понимаешь, что ты общаешься не с человеком, ты общаешься с каким-то другим существом... вроде бы даже с какой-то функцией... вы сопоставили ее с дверью... Она нужна для того, чтобы показать мне замочную скважину, пропускающую свет... И я не понимаю что это за свет, что стоит за ним и что она думает по этому поводу?

(Оговорка Николая: «он... этот медиум... она...» подтверждает работу проекции и добавляет важнейшую деталь. «Медиум» — это человек, который может общаться с душами умерших людей. Сохраняет ли он таким образом связь с умершей бабушкой и одновременно с потерянным образом любимой матери младенчества? А может быть, он боится, что в потустороннем мире его любимая бабушка превратилась в Бабу-Ягу, как любимая мать превратилась в «Снежную королеву»?)

Внезапно Николай, говоря о себе, начинает говорить от второго лица: «Ты понимаешь, что ты общаешься не с человеком, ты общаешься с каким-то другим существом...». В переносе это может быть так: «Вы (аналитик) понимаете, что вы общаетесь не с человеком (Николай), вы общаетесь с каким-то другим существом (Николай). Это проливает свет на его частые утверждения о собственной инаковости. Какая роль в этом переносе мне отведена? Я — маленький мальчик Николай, который не понимает, как ему достучаться или хотя бы понять свою мать?»

Я думаю о том, что, когда подглядываешь в замочную скважину, один глаз смотрит в отверстие, а второй глаз закрыт и ничего не видит...)

Психоаналитик: Хорошо, Николай Иванович. На этом мы закончим сегодня. Продолжим завтра.

* * *

Я понимаю, что сейчас читатели ждут от меня рассказа о том, как впоследствии развивался аналитический процесс и, конечно, как он завершился. Проблема заключается в том, что если я это сделаю, даже в нескольких словах, то тем самым я фактически лишу читателя самого важного. Как после прозвучавшей музыки не хочется сразу хлопнуть, после затронувшего душу фильма не хочется говорить, также и утром, проснувшись от сновидения, не хочется открывать глаза и впускать реальность, чтобы еще какое-то время пожить в этом сне, полнее ощутить его, прочувствовать изнутри, дать ему больше времени и пространства в своей душе.

Пабло Пикассо как-то говорил, что «каждый ребенок — это художник, но трудность состоит в том, чтобы остаться художником, выйдя из детского возраста». Та же трудность присуща и нам. Сохранить детскую способность к фантазированию, живую связь с бессознательным, эмоциональную открытость и чувствительность, становясь психоаналитиком — не менее сложная задача.

Если фантазия и мышление читателя не будут схвачены ни авторской версией завершения случая, ни фрустрацией от ее отсутствия, то

он сможет продолжить свое психоаналитическое путешествие и после того, как автор уйдет. В этом случае я буду считать свою задачу выполненной. Читать представленный мной материал, соглашаясь с моими комментариями или дискутируя с ними, — это как плыть на яхте по морю с экскурсоводом. Однако всегда есть момент, когда яхта останавливается и рассказчик замолкает. Именно тогда слушатели обретают свободу, и каждый выбирает для себя дальнейшее приключение. Пуститься в собственное плавание, открывая скрытые (и для автора, конечно, тоже!) глубины бессознательного, оживающего в рассказанных сеансах, можно только при условии, если автор смог в достаточной мере передать живую амбивалентную ткань психоаналитического процесса. Я буду рад, если мне это хотя бы немного удалось.

HOW PSYCHOANALYST WORKS

A. ROSSOKHIN

The article provides a detailed course of long-term psychoanalytic therapy, with special attention to the details of the analyst's state and settings. The author illustrates the various work plans — analysis of transference and countertransference, interpretation of dreams and fantasies etc. The Author doesn't propose external conceptualizations of therapy and not setting a discussion of theoretical problems: He rather follows the strategy of demonstrating the very fabric of the work process, leaving the reader to ponder interesting facts and formulate questions and interpretation.

Keywords: transference, countertransference, projection.